

Лирики из города физиков

Культура - 2000 -
7 - 13 сент. - с. 4

Городу Висагинасу исполнилось 25 лет. Что такое четверть века для человека? А для города? Висагинас моложе многих своих сограждан.

Почти как в Америке, город сложился из приезжих, обслуживавших Игналинскую атомную электростанцию. Только к 2000 году число жителей титульной национальности — литовцев — выросло до 15 процентов, остальные — русскоязычные.

Я думала, что Висагинас — это люди в белых халатах, атомщики, физики... Но оказалось, что это прежде всего необычайно одаренные, с громадным невостребованным творческим потенциалом люди. Трудно, если вообще возможно, отыскать аналог такому количеству праздников, такому созвездия по-настоящему талантливых людей на пятячке в 896 гектаров. Назову лишь самые экзотичные: праздники — День отца, День земли, Диснай, Кантри; коллективы — юношеская студия детских фильмов ЮСТИН, клуб эсперантистов, клуб пенсионеров, юных экологов, акванавтов и т.д. За два последних года в Висагинасе было организовано 1600 культурных мероприятий, в том числе 5 международных и 13 региональных.

Висагинцы занимаются акробатикой, футболом, греко-римской борьбой, лыжами и особенно греблей: на чемпионате Европы в 1992 году спортсмены Висагинаса (не Литвы) завоевали 12 серебряных и бронзовых медалей. Больше удалось завоевать только спортсменам из России, Китая и Украины.

Это сегодня. А вот завтра у города нет. Одним из условий вступления Литвы в Евросоюз является требование закрыть атомную электростанцию. Осенью 1999-го сейм республики принял это решение. В 2005 году будет остановлен первый атомный реактор, а в 2010-м — второй.

Вильнюс считает этот город провинцией... Нельзя сказать, чтобы масс-медиа столицы не писали о Висагинасе. Но все статьи и передачи — лишь о проблеме закрытия станции. Сегодня нет ни одного детального плана закрытия станции и источника его финансирования. Будущее Висагинаса не просматривается.

Оставив попытки как-то устроиться в Литве, многие уезжают на Запад.

Мы живем с ними в одно и то же время. И все-таки они другие. Например, Ольга Кириченко...

Отец Иосиф завел нас в строящуюся церковь, где уже был готов раздел храма. Мы всматривались в лики иконостаса, в бездонные очи, в скорбные уста... Имя иконописца — Ольга Кириченко.

— Почему именно иконопись? Я поняла, что никакая портретная, пейзажная живопись не сравнится с той высокой идеей, которую несет Церковь, — рассказывает Ольга Кириченко.

Когда я пришла к отцу Иосифу с первой пробной иконой, он не хотел ее отдавать. Я сказала, что нарисую лучше.

— Хорошо, я принесу тебе образ Сионской Богоматери... Но если плохо нарисуешь, не поместим в церковь.

Это было пять лет назад. Писалось очень радостно, легко. Правда, сам образ меня смутил... Перед ней были казнены в XI веке многочисленные верующие Грузии. Им предлагали отречься или умереть. Многие выбрали смерть. Я писала, смотрела на эту улыбку и не понимала: как можно улыбаться, зная о смерти? Мне был гораздо ближе лик Владимирский, российский. Много позже я постигла духовное...

А потом начались трудности. Надо было изучить технику. В иконописи даже спил доски важен. Отец Георгий мне постоянно привозил литературу из России. Года два собирала материал буквально по крохам. Поехала в мастерскую с отцом Иосифом. Привезла какие-то рецепты. В Москве мне сказали, что много своего в моих работах. Но здесь же, в Висагинасе, нет традиции...

Отец Илья Шалиров любезно предоставил мне возможность ознакомиться с техникой золочения... Низкий ему за это поклон.

Самое ужасное то, что окружает тебя во время работы, почему я не хочу писать... Икона должна быть бесстрастной, как молитва. Не случайно, в иконе в первую очередь важен канон. Но часто пишут это равнодушно. Бесстрастие и равнодушие разные вещи... Где грань? Наверное, чутье иконописца и дает ответы на то, где проходит эта грань. Иконопись отвергает "я". Религия отвергает. Но Церковь все равно дает свободу выбора. Меня больше всего беспокоит, что сейчас за догмой канона скрывается равнодушие. И даже современная иконопись вырождается до трафаретности, до плакат-

ности. Сколько этих мертворожденных святых по храмам!

Но я не мыслю ничего выше. Нельзя даже говорить, что это искусство. Это свидетельство о Боге. Как Библия для неграмотных.

У художника-иконописца цвет — основное, чем можно оперировать. Востоку присуще оранжевое — фиолетовое. Средневековые мистические цвета — желтые, синие. В русской иконе цвет — это цвет жизни: пшеница, небо...

На одну икону уходит от полутора до двух месяцев. С 8 утра до 11 вечера. Пока не свалишься. Но я иначе не могу. Поэтому, когда я пишу, это настоящий затвор. Хорошо, что никто меня нигде не ждет. У мужа свой бизнес. Он меня понимает, и я могу спокойно творить. Я живу отшельнической жизнью. Хотя и поддерживаю отношения с художниками.

После школы поступила на искусствоведческий в Санкт-Петербургскую академию. Никакой сумасшедший конкурс не пугал. Мне казалось, что человек может сам распоряжаться своей жизнью. В юности было такое чувство окрыленности, может, из-за фамилии. Девичья фамилия моя — Крылатых... В Висагинасе

начала работать оформителем. Еще до поступления в вуз училась в очень хорошей художественной школе в Кирове. К нам предъявляли высочайшие требования. Никогда не говорили, что это хорошо, только «неплохо». Окончила среди лучших выпускников. Уже не волновалась за профессию: кусок хлеба был обеспечен.

Почему раньше не писала? Я не знала, что должна сказать людям. Наверное, у всех бывает какой-то биологический период развития... Сейчас только чуть-чуть заглянула в глубины иконописи.

А выставку свою не хотела бы сделать, нет. Я не хотела бы писать много. Но я должна еще сделать иконостас. Большой. Много собрано, в первую очередь, души. Но пока не вижу приложения... Я хотела бы оформить, может быть, отреставрировать какую-нибудь церковь... Хотя фрески — это очень тяжело. Раньше плафонщики (те, кто расписывал потолки) жили 50 лет. Но хотелось бы поползнуть. Просто, чтобы люди приходили и радовались... Понимали, что есть другая реальность.

Наталья ЮХНЕВИЧ